

Русские панслависты 1860–1870-х годов

Вопрос о панславизме вновь привлекает внимание историков, хотя, казалось бы, всё о нем уже сказано и мировая историография поставила решительную точку, объявив его реакционным учением. Однако современным ученым этот вывод кажется слишком однозначным и требующим определенного пересмотра. Примером вновь возрождающегося интереса к панславистским теориям может послужить проведение в 2012 г. Естественно-гуманитарным университетом в польском городе Щедлице конференции «Панславизм вчера, сегодня, завтра». Да и в отечественной историографии стали появляться труды, которые так или иначе корректируют прежние представления о российском панславизме.

В историографии стало укрепляться мнение, что российский панславизм не был единым, что он имел, по крайней мере, два направления — правое, выражавшее интересы правящих кругов России, тесно связанных с царем и его окружением, и левое, представлявшее определенные левые круги российского общества. К числу левых кругов, не связанных ни с революционной демократией, ни с прозападными либералами, принадлежали в 1850–1870-е годы XIX в. и славянофилы, которых в марксистской историографии принято было считать консерваторами. Главным доводом, подкреплявшим это утверждение, был тот факт, что они являлись сторонниками монархии и противниками немедленного введения конституции в России.

Панславистские программы появились в России в 1850-е годы, накануне и во время Крымской войны. Наибольшее влияние на них оказали идеи европейских либералов, особенно широко распространившиеся в Европе во время и после революции 1848–1849 гг., — требование объединения немецких, итальянских

и других территорий по этническому принципу в одно административное или государственное целое.

Первыми в России создали панславистские программы М.П. Погодин и К.С. Аксаков. Программа Погодина провозглашала, что объединение славян под властью царя станет первым шагом к дальнейшему распространению владений России в Средней Азии, Сибири и на Дальнем Востоке. Программа К.С. Аксакова носила либерально-демократический характер и предполагала создание славянской федерации с значительной самостоятельностью ее автономных частей.

Поражение России в Крымской войне на время прервало создание панславистских программ. Однако уже в конце 50-х–60-е годы XIX в. политическое положение Империи укрепилось. В Европе тоже вновь появились условия для возрождения революционных лозунгов. Но если во время революции их выдвигали демократические и либеральные деятели, то в послереволюционный период к ним примкнули и представители правящих кругов некоторых государств, в частности, Пруссии, Пьемонта и России. Благодаря этому в 1859 г. произошло объединение Италии, в 1866 г. Австрия потерпела поражение в войне с Пруссией, в результате которого в 1867 г. была образована Австро-Венгрия, а для Пруссии открылся путь к основанию в 1870 г. единой Германии. Для России особое значение имело празднование в 1862 г. Тысячелетия России и особенно проведение в 1867 г. в Москве Всероссийской этнографической выставки и Славянского съезда.

Накануне этих двух событий известным ученым-славистом В.И. Ламанским была опубликована программа словацкого национального деятеля Людовита Штура, которая оказала большое влияние на русскую общественность.

Людовит Штур (1815–1856), выдающийся словацкий политик, лингвист, поэт, ученый, во время революции 1848–1849 гг. активно боролся за права словацкого народа, занимая радикальные позиции. В это время он отрицательно относился к России. Еще в начале революционных событий Штур выражал убеждение, что она является «самым большим неприятелем славян Центральной Европы»¹. Однако после поражения революции, когда национальное положение словаков не улучшилось и их

по-прежнему угнетали как австрийские власти, так и венгерские националисты, Штур стал искать новые пути для успешного развития своего народа. Его взор обратился к России, тем более, что именно русские войска в 1849 г. разбили венгров, главных угнетателей словаков. В это время Штур особенно близко сошелся с М.Ф. Раевским, священником русской посольской церкви в Вене, чьи убеждения, несомненно, оказали на него большое влияние. В одном из писем начала 1850-х годов к графине А.Д. Блудовой Раевский рассказывал о своих встречах со словацкими национальными деятелями Ходжей, Праусом и Штуром: «Много было споров, наконец, друзья мои убедились, решительно убедились, что без русского сердца, без русского правительственного начала нет славянам спасения [...] И все признали, что самодержавие и православная церковь одни могут спасти славян, они одни могут сделать какое-либо политическое целое из славянства»².

После революции Штур занялся журналистской и научной деятельностью. Он писал статьи в словацкие журналы, издавал сборники своих стихов. Особое внимание он уделял созданию научного труда «О народных песнях и сказках славянских народов». Трактат «Славянство и мир будущего» (на немецком языке) должен был стать одной из глав этого труда. Штур писал его тайно. Но в связи с ранением, полученным им на охоте и повлекшим за собой его раннюю смерть, Штур передал трактат Раевскому, с просьбой вручить его русскому великому князю Константину Николаевичу, которого считали человеком, сочувствующим славянам³. В конце концов трактат попал в руки В.И. Ламанского, который перевел его на русский язык и напечатал в 1867 г.⁴.

В трактате «Славянство и мир будущего» Штур отмечал прежде всего положительные качества славян: чистоту нравов, гостеприимство, гуманность, терпимость и др. Он указывал, что они являются осколками одного народа и только Россия предназначена их объединить. Но для этого Россия должна измениться сама. В ней должно быть отменено крепостное право, узаконены крестьянская община, самоуправление и неделимость ее земли. Шляхта (дворянство) должна отказаться от своих привилегий. Предполагался созыв Национального собрания, в которое были бы избраны представители всех жуп (административных райо-

нов. — *И. Ч.*) и которое бы стало совещательным органом при императоре. Славяне со своей стороны должны были принять православие (греко-славянскую церковь), а также сделать русский язык общеславянским⁵.

Русский демократ, славист А.Н. Пыпин так оценивал трактат Штура: «Из западнославянских публицистов едва ли не один Штур имел о славянском вопросе понятия, очень близкие к понятиям наших славянофилов; он даже полнее и яснее, чем они, высказал свои планы славянского объединения»⁶. Именно близость идей Штура к славянофильским привлекла к его труду внимание русской общественности.

Накануне и во время проведения Этнографической выставки панславистские программы публиковались в некоторых русских газетах, в том числе в либеральных «Голосе», «Биржевых ведомостях» и др.

Более полную программу панславизма дал в своей книге «Мнение о восточном вопросе» (1870) русский генерал кавказской боевой школы Ростислав Андреевич Фадеев (1824–1883). Его отец А.М. Фадеев в 1840-е годы был губернатором Саратовской губернии, затем членом Совета главного управления Закавказского края; мать происходила из знатной семьи Долгоруких. Р.А. Фадеев сделал карьеру на Кавказе, участвовал в Крымской войне, получил несколько боевых наград. В 1856–1862 гг. он являлся сотрудником кавказского наместника князя А.И. Барятинского.

Барятинский проводил новую политику умиротворения Кавказа. Он предлагал перестроить гражданское и военное управление на Кавказе, построить железную дорогу между Каспийским и Черным морями, тем самым способствуя экономическому развитию края. В славянском вопросе он считал необходимым поддерживать национальные движения славян, дать независимость Польше⁷. Фадеев разделял взгляды Барятинского, при поддержке которого активно занялся журналистской деятельностью, написал несколько трудов о положении на Кавказе. В своей записке «Местное военное управление покоренными племенами Кавказа» Фадеев призывал проводить реформы в регионе осторожно, говорил о необходимости гражданского благоустройства и образования, об улучшении материального и нравственного быта

местного населения. Он считал необходимым заменить военное управление на Кавказе гражданским, привлекая к последнему местную знать. По поручению Барятинского Фадеев написал книгу «Шестьдесят лет Кавказской войны», изданную в 1860 г. В ней он обосновывал необходимость для России завоевания Кавказа, указывая, что это будет способствовать ее политическому и экономическому развитию, а также оказанию помощи христианской Грузии. Книгу приветствовали крупные российские военачальники: Д.И. Скобелев, А.П. Ермолов, П.Е. Коцебу. За нее в 1860 г. Фадеев был избран членом императорского Русского географического общества⁸.

В 1870 г. вышла книга Фадеева «Мнение о восточном вопросе», в которой он высказал свое понимание желательного направления внешней политики России. Оно исходило из его убеждения о вражде западных держав к России, происходившей из-за их недоверия к многочисленному народу, который имеет другие взгляды на общественные порядки и среди которого распространена религия, одинаково враждебная католичеству и протестантизму. Русские и другие славяне чужды Западной Европе, поэтому для России невозможно установить прочные и устойчивые союзы с европейскими государствами, а только временные соглашения с отдельными из них. Единственно возможные союзники России — славяне. Фадеев был убежден, что главными врагами для них являются немецкие государства Австрия и Пруссия. «Когда закончится объединение германской породы в пределах, гордо ею назначаемых для себя, и она примется онемечивать славян прусскими мерами, будет уже невозможно тягаться. Славянство вне пределов России станет ее жертвой. Надо спешить и помнить, что главная препона в славянском вопросе — Австрия; Франция и Англия лишь союзники Австрии. И в решении славянского вопроса в Турции главный враг тоже Австрия, которая не желает видеть по соседству со своими славянскими областями создание свободного славянского государства». И далее Фадеев делал вывод: «Турецко-славянские и австрийско-славянские дела переплелись в такой безвыходный клубок, что нет никакой возможности расплести одну его сторону, не трогая другой»⁹. Фадеев утверждал, что Австрия превратилась в оплот Европы

против Востока, а под Востоком Европа подразумевает не Турцию и мусульманство, а Россию и славян.

Славяне могут устоять перед натиском с Запада только объединившись. «Без внешнего объединения, — указывал Фадеев, — огромная масса славянского и православного мира бессильна, собранная вокруг общего устоя, она неодолима»¹⁰. Славяне должны стремиться к двум целям: каждый народ к самостоятельной политической и общественной жизни и все вместе к племенному союзу во главе с Россией в военном и международном отношениях. «Каждому племени нужен свой государь для домашних дел и великий славянский царь для дел общих». Каждую автономную единицу возглавлял бы представитель династии Романовых, а русский царь возглавил бы всю федерацию. Без объединения с Россией славяне, добившись самостоятельности, сразу же ее потеряют. Поскольку главными врагами славян Фадеев считал Австро-Венгрию и Пруссию, он полагал, что для объединения славян необходимо прежде всего разгромить эти государства¹¹.

Чтобы создать славянскую федерацию, Россия должна добиться поддержки славян. Фадеев предлагал для этого следующие меры: обеспечить помощь гонимым славянским деятелям; распространять русскую литературу среди славян и славянскую — среди русских; предоставить славянам возможность поступать в России на службу, особенно военную¹².

Фадеев был убежден, что дворянство России должно занимать ведущие позиции в управлении страной. «С признанием русского дворянства [...] государственным сословием, — писал он, — оно должно стать сословием обязательно служилым». Фадеев предлагал также облегчить переход крупного купечества в дворянское сословие¹³. Помимо этого, он считал, что в его ряды можно принимать самых способных людей из разночинцев.

В России книга Фадеева получила отрицательные отзывы со стороны либералов. Так, «Вестник Европы» рассматривал ее как политический манифест тех политических сил, которые стремятся «совлечь русское правительство с пути реформ на ложный путь реализации химерических проектов всеславянской федерации». «Вестник Европы» поддержали «Отечественные записки»¹⁴. Но у славян книга Фадеева имела определенный успех.

Она была переведена на чешский, сербский, польский и немецкий языки. Зарубежных славян привлекала в ней прежде всего антинемецкая направленность. Хорватский либерал П.П. Томич писал известному славянскому деятелю Н.А. Попову: «Не могу описать словами радость, с какой читал “Мнение о восточном вопросе” Р. Фадеева». Томич был убежден, что Россия должна завершить свою миссию на Балканах. Чешский профессор Й. Перфольф сообщал Н.А. Попову, что брошюра Фадеева логична и убедительна, и она произвела впечатление¹⁵.

Большинство панславистских программ создавались журналистами, политиками, учеными-гуманитариями. Но за год до выхода в свет программы Фадеева была издана панславистская программа крупного ученого широкого профиля Н.Я. Данилевского (в журнале «Заря»).

Николай Яковлевич Данилевский (1822–1885) родился в семье заслуженного русского генерала Якова Ивановича Данилевского, участника Отечественной войны 1812 г., особо отличившегося в битве при Лейпциге. Его сын Николай получил блестящее образование, окончив Царскосельский лицей и физико-математическое отделение Петербургского университета. Во время учебы Н.Я. Данилевский, помимо физико-математических наук, активно изучал естествознание, историю, социологию. Особенно его увлекло учение утописта-социалиста Ш. Фурье. В студенческие годы Данилевский подружился с братьями Семеновыми. Старший из них, Николай Петрович, стал впоследствии сенатором, членом Редакционной комиссии по подготовке крестьянской реформы 1861 г., а младший, Петр Петрович, с которым Данилевского связывала особенно тесная дружба, прославился как знаменитый путешественник, получивший прозвище Тянь-Шаньский. В Петербурге же Данилевский познакомился с Ф.М. Достоевским и вместе с ним посещал кружок М.В. Петрашевского, где молодые люди обсуждали вопросы освобождения крестьян, теории утопистов-социалистов. Одновременно Данилевский подготовил диссертацию «Орловская флора». Вместе с П.П. Семеновым они составили план трехлетней экспедиции по определению границ черноземной полосы России. Этот план был одобрен Вольным экономическим обществом, и за него Данилевский и П.П. Се-

менов были избраны членами этого общества. Молодые ученые успели осмотреть Рязанскую и Тульскую губернии, но их дальнейшая деятельность была прервана в июне 1849 г. арестом Данилевского по делу кружка М.В. Петрашевского. Данилевского обвинили в распространении учения Ш. Фурье, и он 100 дней просидел в Петропавловской крепости. Затем он был отправлен в ссылку под надзор полиции сначала в Вологду, а с 1853 г. — в Самару, где работал в канцелярии губернатора. П.П. Семенов в своих мемуарах вспоминает о взглядах Данилевского в то время. По его словам, тот признавал в учении Фурье прекрасную, но неосуществимую теорию, «однако остался верен своим великодушным стремлениям к улучшению быта народных масс и освобождению их от крепостной зависимости»¹⁶.

Наряду с исполнением чиновничьих обязанностей, Данилевский занимался и научной деятельностью. За труды «О движении народонаселения России» (СПб., 1851) и «Климат Вологодской губернии» (СПб., 1853) он получил две премии Русского географического общества. В 1853 г. Данилевского командировали в научную экспедицию под руководством К.Э. Бэра, исследовавшую рыболовство на Волге и Каспийском море. С тех пор в течение 18 лет, вплоть до 1871 г., Данилевский занимался ихтиологией. Он возглавил ряд экспедиций, определявших рыбные запасы и рыбные промыслы большинства водоемов Европейской России. Его деятельность была оценена правительством, и в 1874 г. он получил звание тайного советника.

Наряду с этим Данилевский продолжал изучать те области науки, которые его интересовали. Так, он уделил большое внимание лингвистике и опубликовал работы «Несколько мыслей о русской географической терминологии» и «Дополнение к опыту областного великорусского словаря», за которые его избрали в 1876 г. членом Общества любителей российской словесности. Одновременно Данилевский изучал маршрут переселения угорских племен из прародины (Вятская и Пермская губернии) в Лебедию (земли между низовьями Дона и Днепра), исследовал теорию Ч. Дарвина, против многих положений которой он выступал. Данилевский писал и статьи по внешней политике России, полемизировал с русским философом В.С. Соловьевым, доказывая пре-

имущество православной церкви перед католической. В газете И.С. Аксакова «Русь» в конце 1884 г. Данилевский опубликовал статью о русском нигилизме, указывая, что он явился реакцией на опошление христианских идеалов. «Обожание материализма, — писал он, — особенно пришлось по вкусу всем вора́м и мерзавца́м». В результате этого распространились «апатия и бессилие людей честных, смелость и нахальство мошенников, разгул животных вожделений»¹⁷. По своим взглядам Данилевский был близок славянофилам аксаковского толка.

Как можно видеть, сфера интересов ученого была достаточно широкой: филология, история, география, естественные науки. По свидетельству современников, знания его по всем этим предметам отличались глубиной.

В 1871 г. Данилевский опубликовал главный труд своей жизни «Россия и Европа», в котором опирался на новейшие научные достижения того времени, в частности, на учение естествоиспытателей Ж.Б. Ламарка и Ч. Дарвина. Свое сочинение он писал в 1863–1868 гг., когда в Европе происходили знаменательные события: польское восстание 1863–1864 гг., прусско-австрийская война 1866 г., образование Австро-Венгрии (1867), создание Германской империи (1870), Этнографическая выставка и Славянский съезд в Москве в 1867 г. и др.

Данилевский исходил из убеждения, что Европа, под которой он подразумевал германские и романские народы, враждебна России и славянам, ибо чувствует в них чуждую силу. Ее политика по отношению к ним всегда была маккиавелистской и агрессивной. Сущность Восточного вопроса Данилевский видел в борьбе между романо-германским и славянским культурно-историческими типами. Эта борьба началась со времен Карла Великого, и вплоть до Екатерины II побеждали романо-германцы. Но со времени ее царствования усилился отпор православного Востока католическо-протестантскому Западу. Именно в это время Европа, особенно Англия, заполнилась туркофилами, которые видели своих врагов не в мусульманском мире, а в России и славянах.

Европа справедливо боится России, так как Россия уже по своим размерам нарушает равновесие в ней. «Россия слишком велика и могущественна, — писал Данилевский, — чтобы быть только

одной из великих европейских держав»¹⁸. Европа подразумевает под европейской цивилизацией исключительно культуру романо-германских народов, в которую не входят другие европейские народы, в частности, славяне. Славян романо-германская Европа ненавидит, так как чувствует в них зарождение новой цивилизации. Особенно ей ненавистна Россия, которая обрела самостоятельность, создала прочную государственность, превратилась во влиятельную мировую державу, способную объединить весь славянский мир. Помимо этого, Европа чувствует несовместимость своего и славянского культурно-исторических типов¹⁹.

Западные ученые стремятся унижить Россию, изображая ее врагом свободы и просвещения. Они, прежде всего немцы, много говорят о неполноценности славян по сравнению с романо-германскими народами и этим обосновывают немецкий «Дранг нах Остен», якобы призванный нести славянам высшую культуру. Французы хвалят славян, но русских объявляют не славянским, а туранским племенем.

Ни один из русских теоретиков панславизма так полно не обосновывал мнение о враждебности Европы по отношению к России и славянам как Данилевский, который посвятил этому вопросу целую главу своего труда.

Многие русские образованные люди, указывал Данилевский, считают европейскую цивилизацию «единственной и нескончаемой» и не видят ее односторонности. Они убеждены, что она прогрессивна, и стараются ей подражать. Данилевский решительно это осуждал. Так, оценивая реформы Петра I, он приветствовал его государственную деятельность, но осуждал за реформирование русского быта и обычаев, что принесло большой вред русскому народу. С этого времени в России развилась болезнь «европейничания», которая захватила высшие классы. Они считают всё русское плохим, пытаются перенести в Россию европейские обычаи и учреждения. В то же время низшие классы придерживаются старых обычаев. Данилевский положительно оценил реформы 1860-х годов, однако указывал, что они вовсе не повторяют европейские. По его мнению, например, «свобода слова не есть право или привилегия политическая, но право естественное» (одним из важнейших требований славянофилов

было установление свободы общественного мнения. — *И. Ч.*), следовательно, она не является «европейничанием», а вот цензура была привнесена из Европы. В настоящее время в России существуют «европействующие» аристократы и «европействующие» демократы. Среди последних — автор статьи «Национальная бестактность» (т.е. Н.Г. Чернышевский). Их Данилевский оценивал отрицательно, осуждая антирусскую направленность их взглядов²⁰. Он был убежден, что прививка европейской цивилизации к русской дала «ублюдков самого гнилого свойства», а именно нигилизм, сепаратизм, бюрократизм²¹.

По мнению Данилевского, общечеловеческой цивилизации не существует и не может существовать. Он решительно выступал против теорий европоцентризма, популярных у европейских ученых. Всего в мире существовало и существует несколько культурно-исторических типов или цивилизаций, полагал Данилевский. Каждый культурно-исторический тип в разных районах мира развивается по-своему и не передает свои достижения другим, более поздним. Всего Данилевский насчитывал 10 культурно-исторических типов: 1) египетский; 2) китайский; 3) древне-семитический (ассирийско-вавилонско-финикийско-халдейский); 4) индийский; 5) иранский; 6) еврейский; 7) греческий; 8) римский; 9) новосемитический (аравийский); 10) романо-германский или европейский. Каждый культурно-исторический тип развивается самостоятельно. Сначала он переживает этнографический период, продолжающийся не менее 1000 лет. Затем наступает эпоха цивилизации (цветение и плоды), которая охватывает примерно 600 лет, а потом наступает угасание данной цивилизации. Один культурно-исторический тип может быть удобрием для последующего культурно-исторического типа или может быть пересажен с одного места на другое (европейский культурно-исторический тип в Америку и Австралию). Данилевский утверждал, что деление истории, которое придумали европейские ученые: Древний мир, Средние века и Новейшая история, не соответствует мировому историческому процессу, а верно только для Европы²².

Б.П. Балуев, современный исследователь теории Данилевского, подчеркивает, что он первым заявил о мультилинейном разви-

тии мира²³. Однако это утверждение требует уточнения. Впервые о мультилинейном развитии мира упомянул К.С. Аксаков. Он критиковал европейских идеологов, утверждавших, что европейская цивилизация превосходит все остальные, что западная культура является общечеловеческой и на нее должны равняться все другие народы. Общечеловеческая культура, считал К.С. Аксаков, это сумма самобытных культур разных народов. Он осуждал методы, которыми европейцы распространяли свою цивилизацию, «с истреблением народностей, с дикими бесчеловечными мерами»²⁴. Однако подробно свои идеи К.С. Аксаков не развивал.

Данилевский считал, что славяне находятся только в начальном периоде создания своего культурно-исторического типа. Но чтобы он сформировался, необходимы следующие условия: 1) этническая группа должна иметь один или несколько близких языков; 2) народы, принадлежащие к данному культурно-историческому типу, должны быть независимы; 3) принципы культурно-исторического типа не передаются от одного типа к другому, но влияние может иметь место; 4) каждый из представителей культурно-исторического типа пользуется независимостью, но вместе они составляют федерацию; 5) время формирования или роста культурно-исторических типов продолжительно, но время цветения и плодоношения кратко. Славяне видят для себя опасность в Западе, и именно это заставляет их стремиться к объединению под политическим руководством России²⁵.

Данилевский был убежден, что для всякого славянина «после Бога и его святой церкви — идея славянства должна быть высшей идеей, выше свободы, выше науки, выше просвещения, выше всякого земного блага»²⁶. В создании всеславянского культурно-исторического типа Данилевский видел самое верное решение славянского вопроса.

Для того, чтобы противостоять Европе и образовать свой культурно-исторический тип, славяне должны объединиться. «Все-славянская федерация, — согласно Данилевскому, — единственно разумное, а потому и единственно возможное решение восточного вопроса». В нее должны войти: 1. Россия с Галицией и Угорской Русью; 2. Королевство Чехо-моравско-словацкое; 3. Королевство Сербо-хорвато-словенское с Каринтией и Триестом; 4. Королевств-

во Болгарское с Македонией; 5. Королевство Румынское (Валахия, Молдавия, часть Буковины, половина Трансильвании); 6. Королевство Эллинское; 7. Королевство Мадьярское; 8. Царьградский округ. Данилевский полагал, что и поляки должны образовать свою государственную единицу. Слияние их с русскими не желательно. Нужно очистить поляков от чужеродных привычек и затем принять их на равных основаниях в славянскую федерацию²⁷. В нее, кроме славян, должны были войти румыны, греки, венгры и Константинопольский округ Османской империи. Основой славянского культурно-исторического типа должны стать «православие, славянство, крестьянский надел». Данилевский, в отличие от Фадеева, не упоминал о самодержавии и дворянстве и считал целью славянского культурного типа «удовлетворительное решение общественно-экономической задачи»²⁸. Он указывал, что славянская федерация выгодна для всех славян, так как они в ней будут защищены от своих врагов: чехи от немцев, словаки от мадьяр, словенцы от немцев, сербы и хорваты от немцев и итальянцев, русские в Галиции от поляков. Да и славяне вне союза спорили бы друг с другом: сербы с хорватами и болгарами, чехи со словаками и т.д.²⁹. Славянский союз никому бы не угрожал и не стремился к мировому владычеству, наоборот, он стал бы преградой к господству Европы над всем миром³⁰.

Как сторонники, так и противники взглядов Данилевского отмечали связь его теории со славянофильскими воззрениями. Об этом писал главный славянофильский идеолог того времени И.С. Аксаков, признавший, что книга Данилевского есть явление славянофильской мысли, где автор «совершенно самобытным путем пришел к тождественному учению с Хомяковым (один из основателей славянофильского движения. — *И. Ч.*) и Аксаковым»³¹. Историк и либеральный политический деятель П.Н. Миллюков считал книгу Данилевского новым этапом в развитии славянофильства. Его теория о культурно-исторических типах, по мнению Миллюкова, имела практическую задачу, а именно — представить проект объединения славян во главе с Россией³². По словам современного польского историка А. Валицкого, книга Данилевского является «первым и единственным в своем роде систематическим изложением панславизма»³³.

Вначале, после выхода в свет, книга «Россия и Европа» не имела успеха. Первое ее издание (1200 экземпляров) разошлось за 15 лет³⁴. Но постепенно интерес к книге возрастал, прежде всего в рядах интеллигенции. Она была издана в 1888, 1889, 1895 гг. и достаточно успешно распродана.

Идеи Данилевского оказали влияние на зарубежных ученых³⁵. Его обоснованно считают предшественником теорий немецкого философа и публициста О. Шпенглера, британского историка и социолога А. Дж. Тойнби, российского и американского социолога, культуролога и криминалиста П.А. Сорокина³⁶. Новосибирский профессор А.П. Дубов указывает, что в настоящее время Данилевский в научном мире рассматривается как «признанный предшественник Шпенглера, Тойнби и Сорокина», а его вклад в мировую философию истории и культурологию считается неоспоримым.

Из вышеназванных ученых особое значение для развития мировой историографии имели труды профессора Тойнби, чья популярность среди историков была чрезвычайно велика вплоть до 1960-х годов, а сочинения издавались миллионными тиражами. В своем главном труде «Постижение истории», вышедшем в 12 томах в 1934–1961 гг., он утверждал, что в мире существовала 21 цивилизация. В их числе он рассматривал русско-православную цивилизацию, которая, по его мнению, развивалась под непрерывным внешним давлением сначала с Востока, а затем, с XVII в., — с Запада. Тойнби был убежден, что в XXI веке определять мировую историю будут Россия, Китай и исламский мир.

О. Шпенглер прославился после издания труда «Закат Европы» (1918). Как и Данилевский, он полагал, что каждая культура переживает ряд стадий: рождения, развития и цветения и умирания. По Шпенглеру, всякая культура заканчивается цивилизацией, которая является ее завершением. Последняя стадия развития античной культуры (римская) отличалась стремлением к наживе и расширению для этого своей территории. В то же время для нее были характерны бездушие, отсутствие способности к философии, истории и искусству. У римлян это особенно четко проявилось в IV в. Романо-германская культура, по мнению Шпенглера, подошла к своей конечной стадии в XIX в. Время ее существо-

вания он определял X–XX вв. Эта культура не знала истинного христианства, для нее был характерен пафос свободной деятельности человека. В то же время Шпенглер утверждал, что истинное христианство (Иоанново) характерно для русской культуры, и глашатаем его является Ф.М. Достоевский, которого Шпенглер называл святым. Немецкий мыслитель полагал, что русская культура подходит к стадии своего расцвета. Теория Шпенглера вызвала интерес ряда современных ученых. Так, работу о нем написал российско-американский философ Б.М. Парамонов, отметив в 2018 г. столетие со дня выхода книги «Закат Европы».

Книгу Данилевского пропагандировали русские философы К.Н. Леонтьев и В.А. Розанов. Профессор русской истории в Петербургском университете, создатель знаменитых Бестужевских женских курсов К.Н. Бестужев-Рюмин писал в некрологе на смерть Данилевского, что «он был человек гениальный», а его книга «Россия и Европа» — «одна из тех книг, значение и смысл которых уясняется временем»³⁷. К.Н. Бестужев-Рюмин указывал, что она является систематизацией славянофильского воззрения, что ее цель — доказать возможность славянской культуры и особую историческую роль славянства. «На пути к решению этой задачи стоит предрассудок, который надо победить: в Европе, как и у нас, все уверены в том, что культура только одна непрерывно развивающаяся, причем, все прежние культуры являются лишь ничем иным, как ступеньками этого развития»³⁸, — писал он.

В России наиболее последовательным сторонником Данилевского являлся Николай Николаевич Страхов (1828–1896), философ, зоолог, математик, литературный критик. Он был учителем гимназии, преподавал физику, математику, зоологию. В 1889 г. Страхов получил звание члена-корреспондента Петербургской академии наук. Последняя его должность — библиотекарь Императорской публичной библиотеки. Страхов опубликовал очерки о Л.Н. Толстом, Ф.М. Достоевском, Н.В. Гоголе, И.С. Тургеневе. С Достоевским Страхов был особенно близок. Он не только преклонялся перед талантом писателя, но и активно участвовал в журналах «Время» и «Эпоха», которые издавались братьями Ф.М. Достоевским и М.М. Достоевским. Страхов сотрудничал и в изданиях И.С. Аксакова. Сравнивая европейскую и славянскую

цивилизацию, он пришел к выводу, что европейская цивилизация представляет собой «вершину человечества», в то время как «наша нынешняя цивилизация [...] едва имеет историю». «Мы не можем похвалиться нашим развитием, — утверждал он, — и не смеем ставить себя наряду с другими, более счастливыми племенами». Вместе с тем Страхов был уверен: «Наша культура, хотя менее развитая и определенная, носит в себе залогов такой крепости и такого глубокого и далекого развития, каких может быть не имеет никакая другая культура»³⁹. В отличие от Данилевского, Страхов считал, что славянская цивилизация уже существует, и ей принадлежит будущее. Доказательство этого он видел в том, что русский народ сохранил народный дух, который отталкивает «всякое влияние, мешающее его самобытному развитию», а также в создании русскими могущественного государства⁴⁰. Страхов написал предисловие ко второму изданию книги Данилевского, в котором назвал ее «кодексом или катехизисом славянофильства». Он считал ее главным выводом положение о том, что славяне представляют собой только особый культурно-исторический тип, рядом с которым могут существовать и развиваться другие культурно-исторические типы⁴¹.

Сочувствовал идеям Данилевского и великий русский писатель Ф. М. Достоевский. Они познакомились в кружке М. В. Петрашевского, однако Достоевский понес от правительства более суровое наказание: четыре года он пробыл на каторге в Омске, потом был солдатом в Семипалатинске. В 1856 г. его помиловали вместе с другими петрашевцами и декабристами в связи со вступлением на престол Александра II. В 1857 г. Достоевский получил полное помилование, включавшее право публикации своих трудов, а в 1859 г. смог вернуться в Петербург. Но только в 1875 г. писатель был полностью освобожден от надзора полиции.

Вместе с братом М. М. Достоевским он издавал журналы «Время» (1861–1863) и «Эпоха» (1863–1865). Во «Времени» он вполне дружелюбно отзывался о газете «День» И. С. Аксакова, с сочувствием писал о славянах, указывал, что Турция должна погибнуть, так как она отжила свой век. Но Достоевский при этом справедливо замечал, что «великие державы этого не желают и пуще всего боятся, чтобы угнетенное славянское население

не взяло верх над угнетателями». Он так объяснял это: «Европейские христиане в Турции принадлежат к одной церкви с нами и к одному с нами славянскому племени, стало быть тяготеют к России, а это не нравится западным державам»⁴². Во время поездки за границу в 1862 г. (он побывал в Германии, Франции, Италии, Англии, Швейцарии, Австрии) Достоевский познакомился с буржуазными порядками, утвердившимися там. Они вызвали у него неприязнь, а идеи утопического социализма, которым он сочувствовал в молодости, его разочаровали. Свои политические взгляды он выразил в серии статей «Дневник писателя», которые публиковал с 1873 г. сначала в журнале «Гражданин» князя А.П. Мещерского, а затем и в других изданиях вплоть до 1881 г.

В статье 1877 г. Достоевский четко выразил свои политические взгляды, которых он придерживался в то время: «Я во многом убеждений чисто славянофильских, хотя может быть и не совсем славянофил». Достоевский различал три вида славянофильства. Первый вид, который, по его мнению, подразумевал В.Г. Белинский, означал «лишь квас и редьку». «Для других, — продолжал он, — (и заметим, для весьма многих, чуть не большинства даже самих славянофилов) славянофильство означает стремление к освобождению и объединению всех славян под верховным началом России — началом, которое может быть даже и не строго политическим. И наконец, для третьих славянофильство, кроме этого объединения славян под началом России, означает и включает в себе духовный союз всех верующих в то, что великая наша Россия, во главе объединенных славян, скажет всему миру, всему европейскому человечеству и цивилизации его свое новое, здоровое и еще неслыханное миром слово. Слово это будет сказано во благо и во истину уже в соединении всего человечества новым братским всемирным союзом, начала которого лежат в гении славян, а преимущественно в духе великого народа русского, столь долго страдавшего, столь много веков обреченного на молчание, но всегда заключающего в себе великие силы для будущего разъяснения и разрешения многих горьких и самых роковых недоразумений западноевропейской цивилизации. Вот к этому-то отделу убежденных и верующих принадлежу и я»⁴³. Достоевский был уверен, что освобожденные Россией славяне

вскоре «с упоением» кинутся к Европе и заразятся европейскими политическими и социальными формами. Они должны будут пережить длинный период европеизма, прежде чем поймут хотя бы что-нибудь в призвании славянства в среде человечества. Но когда придет минута какой-нибудь серьезной беды, славяне непременно обратятся к России⁴⁴.

Одновременно теория культурно-исторических типов вызвала критику ряда российских ученых. Так, против нее выступил известный философ В.С. Соловьев, который в статье «Россия и Европа» писал, что Данилевский «стоит всецело и окончательно на почве племенного и национального раздора». Вместе с тем в личном письме к Страхову от 10 ноября 1887 г. он признавался, что так горячо выступает против Данилевского потому, что тот «соорудил некоторое неуклюжее здание, которое стоит на моей дороге»⁴⁵. Скорее всего здесь Соловьев имел в виду свои глобалистские идеи, а именно создание единой христианской церкви под руководством Папы Римского. Его точку зрения поддерживал В.П. Безобразов, указывавший, что «идти дальше в развитии крайностей славянофильского учения и также в национальном самообольщении невозможно»⁴⁶.

Взглядам Данилевского уделяют внимание и современные ученые: американец Р. Мак Мастер («Н.Я. Данилевский — русский тоталитарный мыслитель», 1967), русский историк Б.П. Балуев, польский ученый А. Валицкий и др. Отечественные исследователи, не касаясь подробно взглядов Данилевского, высказывают о них любопытные замечания. Так, С.А. Никитин, подробно изучивший панславистские теории в России, полагал, что «наиболее интересно у Данилевского именно политическое содержание его доктрины, так как вся его книга — политический трактат»⁴⁷.

В.М. Хевролина не считала Данилевского теоретиком воинствующего панславизма и российского империализма. По ее мнению, объединение славян, провозглашаемое им, имело своей целью не наступление, а оборону. Кроме того, у теории Данилевского имелось свое рациональное зерно — стремление доказать жизнеспособность и культурную значимость славянства, прогрессивную роль национального фактора в деле славянского единства⁴⁸.

В.Н. Хачатурян отмечает положительные моменты теории Данилевского. Он, по мнению исследовательницы, является «одним из первых российских историков, кто стремится представить всемирно-исторический процесс как органическую систему, все звенья которой являются самобытными и вместе с тем взаимодействующими культурными единицами. Данилевский указывал, что цивилизация не только искусство, философия, религия, но и социально-экономические отношения». Исследуя последние, он «развивает идеи, близкие утопическому социализму». Хачатурян подчеркивает, что книга Данилевского была направлена против европейских историков и философов, рассматривавших славян как второстепенные народы. Так, француз Ф. Гизо не включал их в европейскую цивилизацию, Г. Гегель отводил большинству из них роль неисторических народов, Г. Вебер считал славян способными занимать только место низших классов, призванных находиться в подчинении другим народам. Данилевский выступал против евроцентризма, указывает Хачатурян, признавая важность и других цивилизаций: китайской, американской, индусской и др.⁴⁹

Если сравнить высказывания о монографии Данилевского российских авторов и авторов из Европы и Америки, то можно видеть, какие его выводы привлекали их внимание. Российские авторы отмечали прежде всего те положения его труда, которые касались России и славян, их будущего, их значения в истории человечества. Европейских ученых привлекала в работе Данилевского та ее часть, в которой он обосновывал существование множества мировых культур, каждая из которых имеет свои преимущества, его отрицание того, что только европейская (романо-германская) культура является высшим достижением человечества и только на нее должны ориентироваться другие народы, стремясь принять ее добровольно или через насилие.

И в настоящее время взгляды Данилевского представляют интерес, ибо до сих пор в политических кругах Запада далеко не изжито убеждение в том, что именно их культура является высшим достижением человеческого развития и именно на нее должны равняться все остальные народы. И стремлением распространить эту культуру они оправдывают свою экспансию в отношении народов, которые не входят в ее орбиту.

Примечания

- ¹ *Рокина Г.В.* Ян Коллар и Россия: история идеи славянской взаимности в российском обществе первой половины XIX в. Йошкар-Ола, 1998. С. 80.
- ² Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1274. Д. 2424. Л. 170.
- ³ *Матула В.* Людовит Штур и Россия // *Ludovít Štur und die slawische Wechselseitigkeit.* Bratislava, 1969. S. 367.
- ⁴ Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Т. III. Кн. 1-3. М., 1867. С. 1–191.
- ⁵ *Матула В.* Указ. соч. С. 372–380.
- ⁶ *Пыпин А.Н.* Панславизм в прошлом и настоящем // *Вестник Европы.* СПб., 1877. Кн. 9–12. С. 773.
- ⁷ *Кузнецов С.В.* Р.А. Фадеев. Генерал и публицист. Волгоград, 1997. С. 25, 26.
- ⁸ Там же. С. 11–13.
- ⁹ *Фадеев Р.А.* Мнение о восточном вопросе. СПб., 1870. С. 28.
- ¹⁰ Там же. С. 51.
- ¹¹ Там же. С. 5–98.
- ¹² Там же. С. 50, 51.
- ¹³ *Кузнецов С.В.* Указ. соч. С. 20, 40, 86.
- ¹⁴ Там же. С. 42–44.
- ¹⁵ *Никитин С.А.* Панславистские теории конца 60-х годов // *Славяне и Россия. К 110-летию со дня рождения С.А. Никитина.* М., 2013. С. 322.
- ¹⁶ *Балуев Б.П.* Споры о судьбах России: Н.Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа». М., 1999. С. 22.
- ¹⁷ Там же. С. 39.
- ¹⁸ *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. СПб., 1888. С. 435.
- ¹⁹ Там же. С. 50.
- ²⁰ Там же. С. 285–300, 314.
- ²¹ Там же. С. 132.
- ²² Там же. С. 91, 92.
- ²³ *Балуев Б.П.* Указ соч. С. 70.
- ²⁴ Молва. Москва. 5.07. 1857.
- ²⁵ *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. С. 95, 96.
- ²⁶ Там же. С. 423, 494.
- ²⁷ Там же. С. 420–428.
- ²⁸ Там же. С. 512, 556.
- ²⁹ Там же. С. 390–392.
- ³⁰ Там же. С. 448, 449.
- ³¹ *Цимбаев Н.И.* Славянофильство. Из истории русской общественной мысли XIX века. М., 1986. С. 90, 91.
- ³² *Никитин С.А.* Указ. соч. С. 284, 285.
- ³³ Цит по: *Дьяков В.А.* Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М., 1993. С.25.
- ³⁴ *Страхов Н.* Предисловие // *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. СПб., 1888. С. XIX.

- ³⁵ См.: *Балуев Б.П.* Споры о судьбах России. С. 6.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же. С. 78, 79.
- ³⁸ *Никитин С.А.* Указ. соч. С. 264.
- ³⁹ *Страхов Н.Н.* Письмо к редактору «Дня» // *День*. 22.06.1863.
- ⁴⁰ *Никитин С.А.* Указ. соч. С. 279, 280.
- ⁴¹ *Страхов Н.Н.* Предисловие. С. XX, XXV.
- ⁴² *Время*. 1861. Кн. 3. С. 2, 3, 9.
- ⁴³ Цит. по: *Тулаев П.В.* Первые славянофилы и их съезды. М., 2017. С. 153.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ *Балуев Б.П.* Указ. соч. С. 94.
- ⁴⁶ *Никитин С.А.* Указ. соч. С. 279, 280.
- ⁴⁷ Там же. С. 288.
- ⁴⁸ *Хевролина В.М.* Власть и общество. Борьба в России по вопросам внешней политики. 1878–1894. М., 1999. С. 140, 141.
- ⁴⁹ *Хачатурян В.Н.* Н. Данилевский. Европейская цивилизация и Россия // *Европейский альманах*. М., 1992. С. 65–67.